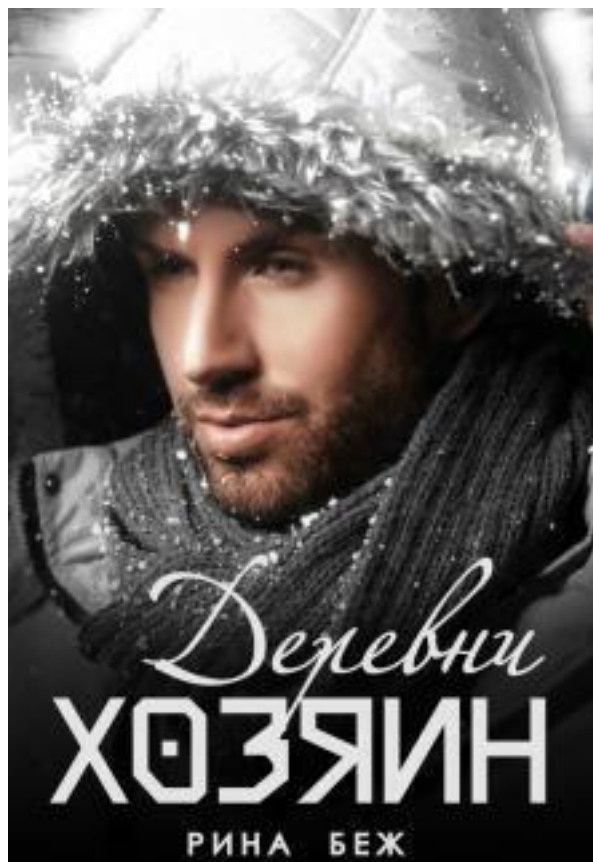

Рина Беж

Хозяин Деревни

<https://litres.ru/74206872>

Аннотация

Он подобрал меня на зимней дороге. Ночью. Посреди леса. Избитую и оглушенную. Замерзшую и практически отчаявшуюся. Подобрал и увез в свою деревню.

Нет, не так. Правильно будет: в свою «Деревню». Вылечил, выходил и... предложил сделку... А я взяла и согласилась...

✓# ОДНОТОМНИК

♥#НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПОДПИСЫВАТЬСЯ НА МОЮ АВТОРСКУЮ СТРАНИЧКУ, ЧТОБЫ ОТСЛЕЖИВАТЬ НОВИНКИ И НОВОСТИ

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	50
Глава 8	56
Глава 9	62
Глава 10	71
Глава 11	78
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Глава 1

Рина Беж

"Хозяин Деревни"

ЭЛЬЗА

– Да чтоб тебе жена год не давала, кусок идиота! – рычу вслед водителю на грязно-серой тойоте, нагло подрезавшему меня на закрытом повороте, а теперь шустро уносящемся вперед и весело, будто издеваясь, намаргивающему аварийками. – Извиняет он. У-у-у, паразит!

Из-за этого лихого опаздуна пришлось жаться к самой обочине, где несмотря на зиму и приличный объем снежного покрова, остались огромные ямы и провалы в асфальте, объехать которые представлялось возможным только по духу.

В общем, я не смогла, как не пыталась. Парочку поймала. Кошмар!

На стиральной доске более гладко. Хотя и на ней третья скорость, до которой я скинула, была бы большой... На этом же участке «направления» (назвать дорогой убитое в хлам нечто – язык не поворачивается), и первая черепашня – перебор.

Тут пешком-то ходить опасно, ноги запросто перелома-

ешь.

Вот и моя ласточка по ходу что-то сломала. Неспроста же задергалась уже метров через сто, и руль в сторону повело.

– Черт! Черт! Черт! Только мне может так фартить, – шиплю сквозь зубы и плавно выжимаю педаль тормоза.

Включаю “аварийку” и смещаюсь к обочине.

Дернул же меня бес рогатый соскочить с платки раньше времени. Нет бы спокойно доехала по М-11 до Твери и уже оттуда, по окружной, ушла в сторону родного города.

Какое там?! Решила, как самая умная, сократить.

Сократила. Съехала в Вышнем Волочке.

Через него прошла хорошо. Федералка, как никак. За ней дорожники следят. Даже успела порадоваться и кофе купить.

На этом всё прекрасное закончилось.

Стоило покинуть город и свернуть на региональную трассу, на ремонт которой у местных властей вечно не хватает денег... как резко осознала ошибку и тот самый дефицит бюджетных средств.

Дорога кончилась.

Сначала немного.

Еще километров через пять побольше.

На границе районов – совсем.

И ладно бы, признавая факт, что у меня не танк, на котором можно кататься везде, а обычный, не самый дорогой паркетник, предназначенный к эксплуатации в условиях города, я приняла поражение и вернулась назад в Волочек...

Нет же, чучундра наивная упорно стала пробираться дальше.

И скорее всего пробралась бы, медленно и аккуратно, попросившись лишь с подвеской, но Спиди-гонщик с местными номерами, наглый и куда-то сильно опаздывающий, но явно знающий «слабые зоны», не оставил мне шансов.

Спихнул в самую каку.

Спихнул и слинял. А мне теперь придется расхлебывать собственную глупость.

На то, чтобы остановиться окончательно, требуется не более пяти секунд. Чтобы выйти из машины – минуты две. Не меньше.

Сначала пытаюсь уговорить бешено стучащее сердце. Пару раз глубоко вдыхаю и выдыхаю, сомкнув ресницы. После тянусь к пассажирскому креслу за курткой и шапкой.

Изгибаясь, натягиваю первое. Не пытаюсь найти «перед», нахлобучиваю на голову второе. Проскакивает мысль про варежки, но отмахиваюсь. Сначала выйду так, просто разведая обстановку. Дальше посмотрим.

Хотя пятая точка уже заранее предчувствует свою коллегу по цеху... ту самую «задницу», которая вряд ли меня порадует.

Стоит распахнуть дверь, как в салон моментально врывается поток ужасно холодного воздуха.

Бр-р-р...

Зябко съезжившись от побежавших по телу колких мура-

шек, еще раз «плюю» в спину придурка, который в отличие от меня спокойно себе мчится домой и в ус не дует, и выполняю на улицу.

Осматриваюсь.

Жутко.

Жутко красиво. И жутко неуютно одновременно.

Темная ночь, пусть и звездная. Хороший морозец. Минус пятнадцать точно. Пустая малоиспользуемая трасса, начинающаяся и теряющаяся во мраке.

А вокруг заснеженный лес. Темный и мрачный.

И тишина. Почти оглушающая, если бы не тихо урчащий мотор моей ласточки.

– Же-есть! Чем не начало остросюжетного триллера?

Передернув плечами, захлопываю дверь, чтобы окончательно не выстудить салон, обхожу машину по кругу и пытаюсь на глаз определить проблему.

С чего бы моя ласточка решила закапризничать?

Ответ нахожу быстро.

Заднее право колесо спущено практически под ноль.

Вряд ли такое событие пропустит хоть один водитель. Даже имея минимальный опыт вождения, как у меня.

– Да пи-пе-е-ец! – стону, растирая ладошками щеки и лоб.

И еще раз осматриваюсь, надеясь на чудо. А вдруг мой взгляд «прозреет» и выцепит среди непролазного леса не замеченный ранее автосервис?

Жаль, не выцепляет. Реальность оказывается жестока. Во-

круг ни души.

Запрокидываю голову вверх и со стоном выдыхаю облачко пара.

Зашибись я попала.

«Ночь, улица, фонарь, аптека...» – стишок и в половину не навевает такую грусть, как собственная тупиковая ситуация.

Называется, сократила поездку на полчаса. Ага.

Теперь неизвестно, сколько тут простою... и как вообще разгуживать буду.

А ведь так хорошо всё начиналось...

Разгребла текучку на работе, раньше положенного сдала финансовые отчеты, оформила неделю отпуска, чтобы до тридцать первого уже и носа не казать в офис, и рванула к родителям в Тверскую.

Без предупреждения.

Решила мамочке и папочке сюрприз на новый год устроить. Помимо тех подарков, которыми весь багажник завалила.

Эх, снегурочка фигова, хотела, как лучше, вышло, как всегда.

Осмотрев колесо и прикинув расстояние до поворота, где я словила ямы, прихожу к неутешительному выводу. Проблема совсем не в пойманном на обочине саморезе.

Ну не могла бы шина так быстро спустить из-за мелкого пореза. Не могла.

Значит, дело в чем-то более глобальном.

И это плохо. Очень.

Потому что единственное, что имеется в машине для ремонта, это компрессор. Даже жгутов для клейки нет.

И запаски нет.

И доклатки нет.

И домкрата... тоже нет.

Впрочем, наличие последнего ситуацию вряд ли бы изменило. Где я и где домкрат? Смех.

Господи, как же быстро привыкаешь к хорошему, живя в городе-миллионнике, и не паришься по мелочам. Знаешь, случись неприятность на дороге, без проблем вызовешь спецпомощь. Они приедут в любое время дня и ночи и всё решат. Починят старое колесо, привезут новое, перебортируют, еще и счастливого пути пожелают.

А тут, посреди леса, что делать?

– Не падать духом, – подбадриваю саму себя вслух, раскачиваясь с пятки на носок.

Не в моей натуре сдаваться вот так сразу, не испробовав имеющиеся возможности... поэтому панику задвигаю подальше и действую.

А вдруг все же ошиблась и колесо накачается?

Вернувшись в салон, открываю с кнопки багажник и прихватываю с панели телефон. Без фонарика вряд ли получится отыскать компрессор среди сумок с подарками.

Активирую экран. И снова стону в голос.

Связь отсутствует.

Полностью. Не то чтобы хоть полпалочки мигало в шкале... мол, ищу-ищу, хозяйка... шиш там... стоит конкретный знак вопроса.

Намертво.

– А-а-а, ненавижу региональные трассы, – рыкаю под нос и достаю компрессор.

Подключаю, включаю, жду.

А через двадцать минут прихожу к печальному, но однозначному выводу – всё без толку. Воздух, который нагнетает прибор, уходит в никуда. Зато сам аппарат уже горячий до невозможности.

Замерзшая и уставшая, отключаю компрессор и с накатившим в момент отчаянием бью ботинком по резине. Только тогда замечаю огромный продольный порез, проходящий по кромке заметно вмятого диска.

– Ну ясно, почему тухло. С такой дырой без вариантов... – тяну, отлично понимая, что никакая заплатка уже не поможет. Колесо только на выброс.

Запрокидываю голову, прогоняя злые слезы, и резко замираю, улавливая вдалеке неясный шум.

Обернувшись, смотрю в сторону злосчастного поворота и через десяток секунд замечаю огоньки фар.

Легковушка проходит опасный участок строго по центру дороги и постепенно приближается.

Глава 2

Не знаю, включается ли здравый смысл, сказывается обострившаяся чуйка, или моя пятая точка улавливает очередную порцию проблем, но, быстренько запихнув в багажник всё лишнее, я забираюсь назад в машину и блокирую двери.

Добрых людей кругом полно, но и отморозков достаточно. Так что шансы получить помощь или огрести очередной головняк – в общем-то равны.

Зачем лишний раз рисковать, дразня беззащитностью?

Уж лучше перебдеть, чем недо...

Да и действовать правильной, прояснив расклад, а не на авось.

Хорошо, если в той машине окажется женщина, еще лучше – с детьми. Тогда можно выдыхать и вести диалог.

А если мужчина... не уверена.

Еще есть вариант, что они проскочат мимо. И это будет не самой плохой альтернативой. Сразу куча вопросов и страхов отпадет.

Но пока остается только смотреть и ждать.

Чувствуя, как в тепле начинает покалывать подмерзшие на улице щеки и мочки ушей, снимаю варежки и тщательно растираю кожу. Одновременно через зеркало заднего вида внимательно отслеживаю приближение нового участника

движения.

Поскольку радио перестало ловить станции еще несколько километров назад, я его отключила. В салоне стоит тишина, и звук орущей на всю округу музыки достигает ушей даже раньше, чем незнакомая тачка равняется с моей.

– Катитесь, пожалуйста, мимо! – негромко шепчу пожелание заранее не нравящимся мне людям и скисаю, наблюдая, как огромный черный внедорожник резко замедляется и, забирая вправо, тормозит.

Плохо.

Привыкший всё анализировать ум моментально вылавливает несколько минусов. Существенных.

Первый – детей в салоне точно нет. Ночью они обычно спят. И вряд ли под сумасшедший грохот тяжелого рока.

Второй – стекла полностью тонированные. Сказать точно, сколько человек сейчас находится внутри и кто именно – невозможно.

Третий – номер грязный. Не знаю почему, но это тоже кажется мне дурным знаком. И то, что я вижу цифры региона – один-девять-восемь, как у моей ласточки, положение не управляет.

Пусть они тоже из Питера, это не делает их автоматически безопасными.

Четвертый – и самый, пожалуй, главный, то, что происходит дальше.

А дальше передние двери внедорожника синхронно рас-

пахиваются и с подножек спрыгивают и направляются в мою сторону двое молодых людей.

Слишком довольные, судя по лицам. И шибко развязные, судя по танцующей походке.

А еще горячие. Один в коротком пальто нараспашку и без шапки. Второй вообще в свитере.

У того, который вылезает с пассажирского, в руках плоская темно-коричневая бутылка и странно поблескивающие в свете фар глаза. Плюс сомнительно громкий смех.

«Он же в стельку пьян», – делаю печальный вывод, замечая, как парень спотыкается на ровном месте и при этом ржет еще громче.

Хочется, как в детстве, закрыть глаза ладошками и представить, что я одна в целом мире, а сюр происходит не со мной. Но вместо этого переключаю внимание на второго.

У водителя взгляд не менее странный. Масляный.

Обкуренный? Под наркотой? Пил?

Не знаю и выяснять не хочу.

Нафиг!

Хочу, чтоб свалили. Оба.

Но кто б меня спрашивал?

– Песец подкрался незаметно, – стону, стараясь не шевелить губами.

Вынув телефон из кармана, опускаю его на колени и тыкаю по боковым кнопкам, запуская перезагрузку.

Вдруг случится предновогоднее чудо, и связь наладится?

Ну хотя бы экстренные-то вызовы должны как-нибудь пробиться?

Не может же мне так отчаянно не везти, чтобы по всем фронтам был затык.

– О-о-о, привет, красотка! Вот мы и встретились... снова, – растягивает лыбу «пассажир», вплотную подбিরаясь к моей ласточке и наклоняясь. Он опирается ладонями в стык крыши и двери, отчего бутылка с громким дзинь бьет по стеклу, и скабрёзно подмигивает. – Заскучала, сладкая? Решила нас подождать, чтобы развлекли?

Играет бровями.

Нахмурившись, обдумываю его слова. Смотрю на него внимательней, потом на второго, нависающего с другой стороны, на внедорожник... и еле проталкиваю вставший поперек горла сухой комок.

Черно-белая наклейка Джокера с окровавленным ртом.

Как я ее сразу не заметила?

Ну ка-а-ак???

Чёрт!

Понятно, что из-за налипшего снега, но разве бывают такие чудовищные совпадения?

Не верю!

Не верю!!!

Я. НЕ. ВЕРЮ!!!

Боже, где ж я так сильно накосячила, что теперь огребаю?!

С этими отмороженными я столкнулась часа четыре на-

зад. На заправке платной трассы. Мажоры решили, что самые умные, а ожидание – для слабаков. Залив бензин, они с хохотом ввалились в помещение и в сразу наглую поперлись к кассе. Через очередь. Да так дерзко, что оттолкнули дедушку, собиравшегося уже расплачиваться.

И, главное, хоть бы кто им слово сказал. Мужики же одни стояли. Нет! Никто не влез! Побухтели тихо под нос и замерли, глядя, чем дело кончится.

Кончилось бы, естественно, победой наглости над возрастом... но меня такая дикая злоба взяла, что без раздумий рванула вперед, благо стояла прямо за дедом. Выхватила у кассирши карту «золотого мальчика» и вернула ему назад. А прифигевшей дамочке вручила две тысячные бумажки дедули, которые он ей уже давно протягивал, и потребовала сначала рассчитать пенсионера.

Она, конечно, наращенными ресницами похлопала, глазки позакатывала и губки понадувала, демонстрируя мажорчикам полную к ним лояльность и мою бесстыжность, но спорить не рискнула. Не совсем силиконовая, к счастью.

Зато эти индюки, получившие по носу, на меня переключились. Думала придушу идиотов, начавших распускать руки и язык, но повезло. Мне.

Вернулась вторая сотрудница АЗС и открыла допкаассу.

Рассчитывалась я – сама не помню, как. Трясущимися от злости руками точно. А когда уже выезжала из кармана, видела, как эти чокнутые, стоя у этой самой машины, с мордой

Джокера, улыбались мне вслед и что-то показывали...

– Ладно, соска, хорош дурака валять. Дверь открывай! Шустро!

Водитель внедорожника прищуривается, сбрасывая маску весельчака, и дергает ручку двери, а когда понимает, что та заперта, бьет кулаком по капоту.

Забывая, как дышать, скашиваю глаза на экран телефона, где все остается без изменений. Связи нет. Экстренные вызовы недоступны.

Глава 3

ЭЛЬЗА

– Не зли нас, сладкая, – мурлыкает второй, посылая мне шальную улыбку. – Хуже будет.

Куда уж хуже? Гляжу в стеклянные глаза.

Его мнимая доброта пугает ничуть не меньше, чем агрессия водителя.

«Пассажир» в очередной раз присасывается к горлышку бутылки, делает несколько глотков коньяка без пауз, будто воду пьет, и не морщится.

Как? Без закуски?

Поймав мой ошарашенный взгляд, облизывает пухлые губы и выпускает облачко пара. Высовывает язык и, наклонившись ниже, проводит им влажную дорожку по стеклу. Слизуя намерзший лед.

Фу-у-у! Ж-ж-жуть!

Вжимаюсь в спинку кресла сильнее.

Если они решили поиграть в злого и доброго полицейского, то хреново у них выходит. Оба – психи! Полные отморозки.

– Я долго тебя уговаривать буду? – новый удар от «водителя» теперь достается моему стеклу. – Открыла дверь! Ну!

– Нет! – мотая головой, поворачиваюсь к нему и тычу телефоном. – Я вызываю полицию. Убирайтесь прочь!

– Значит, не хочешь по-хорошему? – делает вывод. – Окей.

Уходит к своей машине и распахивает заднюю дверь...

Боже! Боже! Боже!

Забывая на то, что телефон настойчиво убеждает: «Связи нет», судорожно тыкаю по сенсорной панели. Набираю 112 и жму на вызов.

– Ну пробивайся же ты, зар-р-раза! Пробивайся, черт тебя подери!!! – стону, наплевав, что меня слышит алкоголик.

Поднимаю взгляд к лобовому стеклу и закрываю рот ладошкой, чтобы не заорать. Ушедший парень возвращается назад.

Не один.

Совсем не один...

В его руках бита.

А за спиной... третий! Высокий тощий блондин.

Божечки! Как я могла забыть этот факт?! Явно из-за паники.

На заправку же они вваливались втроем. Точно! Просто двое вели себя очень нагло, перетягивая все внимание, а третий стоял тихонько в сторонке, якобы не при делах, и молча за всем наблюдал.

Типа, спокойный?

Может, и да. Вот только взгляд его, пустой и равнодушный, пугает значительно сильнее взглядов его дружков. А уж голос сиплый, флегматично приказывающий «водителю»:

– Разбивай заднее стекло.

... вообще парализует.

Честно. До последнего не верю, что идиот с битой решится ее использовать.

Ну нет же?!

Просто шутят, да?

Бах!

– Мамочка, спаси!

Прикрывая голову руками и съезживаясь в комок, стону в голос.

Чхать я хотела, что давно самостоятельная и мне уже двадцать семь. Сейчас я хочу к мамочке. Сильно-сильно.

Закрыть глаза, прижаться крепко-крепко под бочок, обнять ее, почувствовать теплые заботливые руки... и считать все происходящее сном. Дурным навеяннным кошмаром, а не моей реальностью.

Бах!!!

Еще громче.

БАХ!!!

Треск. Хруст.

Вместе с холодом в салон прорывается веселый смех алкоголика и более громкий голос «тихони»:

– Доставай ссучку.

Нарастающий гул мотора вначале кажется игрой сходящего с ума воображения, но резко вскинутые головы отморожков и их взгляды, устремленные мне за спину, подтвержда-

ют, что нет. Кто-то едет...

Еще ни разу в жизни я так рьяно не радовалась проезжающей мимо машине и так сильно не мечтала, чтобы она затормозила.

Пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста!

Дедушка Мороз, сделай мне к Новому году подарок! Клянусь, я была очень хорошей девочкой! А буду еще лучше!

Боясь, что фура (а по высоко задранным фарам определяю, что это именно она) проскочит мимо, не придумываю ничего лучше, чем привлечь ее внимание, нажав на клаксон.

Давлю на сигнал раз! И еще! А после просто не убираю руки с руля.

– Угомони дуру! – резко командует «тихоня», доказывая, что не такой уж он и флегматик.

– ПОМОГИТЕ!!!!!! – ору что есть мочи, одной ладонью продолжая сигналить, а второй пытаюсь отбить попытку «водителя» добраться через выбитое заднее стекло до кнопки блокировки водительской двери.

Чего не ожидаю, так это того, что «водитель» обхватит меня сзади за шею и, резко толкнув вперед, приложит лицом об руль.

Хрясь!

И еще раз...

Хрясь!

Резкая боль прошивает лоб и переносицу. Голова взрывается звоном. Нос немеет. Уши закладывает. Реальность сма-

зывается. А в следующее мгновение губы щекочет что-то теплое.

Кое-как выпрямляясь, провожу по ним пальцами, пытаюсь избавиться от дискомфорта, смаргиваю пелену и замечаю кровь. Ярко-алая, она кажется чем-то сюрреалистичным.

Ну не может же подобное зверство происходить со мной?!
За что?

– Подруга перепила... буянит... нет, нормально, сами успокоим, езжай, друг, – доносится до меня сквозь гул голос «тихушника».

Боже, как я хочу опровергнуть его слова, позвать водителя, который не проскочил мимо, а остановился, желая помочь... но его от меня закрывает широкая спина в пальто, а безжалостная рука, что помогла лицу встретиться с рулем, вновь сжимает шею. Теперь уже придушивая.

– По-мо-ги-те...

Кричать не выходит. Лишь сипеть.

Но даже для меня мой голос звучит очень тихо. Почти беззвучно.

Безнадежно.

Водитель фуры явно не может его слышать... что и подтверждает его «Счастливо!», взревевший гул мотора и шум движения.

Нет!

Нет!!!

Пожалуйста...

Молю мысленно и не сдерживаю слез, когда стоп-сигналы единственной помощи гаснут, теряясь вдали.

– Вытаскивай ее, Жэк. Пора преподать ссучке урок послушания, – все тот же равнодушный голос третьего садиста пробирает ужасом до печенок.

– Чур я буду второй! – гогочет «пассажир».

Не знаю, когда он успевает переместиться, но теперь стоит прямо напротив меня. Скалится через лобовое стекло и посылает воздушный поцелуй.

В следующую секунду дверь распахивается, а безжалостная рука с легкостью, как кутенка, хватает меня за шкурку и вытягивает на улицу.

Глава 4

– Нет! Нет!!! Не трогай меня, сволочь! – цепляюсь в запястье «водителя», безжалостно раздирая его ногтями.

Лучше бы, конечно, по роже. Но до мерзкой физиономии не дотянуться. Да и на ногах бы устоять, когда тебя задом из машины выволакивают.

– Рот заткни, шмара, – дергает за воротник псих, но так как вместе с ним прихватывает и волосы, выходит довольно чувствительно.

– Ай!

– Ай, тебе будет, когда по самые яйца засажу.

Ржет чудовище.

Ненавижу!

Как же я его ненавижу!

Силы много, а расходовать по уму родители не научили. Только гадости беззащитным людям делать.

И «пассажира» ненавижу с его нелепым громким смехом, который кажется бесконечным. Господи, и когда заткнется? Уверена, мне этот омерзительный гогот в кошмарах сниться будет... если доживу.

...доживу?

Да, доживу!

Обязана.

Я сильная.

Я очень сильная! И выносливая!

Пусть и выгляжу немощью.

Мамочка, как же страшно... кто бы знал...

– Нечего ее в нашу тачку волочь, на ее же колымаге раскладывай, – дает ценные указания «тихушник».

Он, по ходу, у них самый главный. Мозг, блин... атрофированный.

И его тоже ненавижу.

Высокий симпатичный блондин... и такая гниль внутри. Будто червями всё выжрано.

Фу! Как можно?

Стоит, смотрит на меня с анатомическим интересом, словно перед ним не женщина, а лягушка, которую собираются препарировать. А он тут великий профессор и консультант. Большой урод он, а не профессор!

Садисты они все трое. Нелюди. Мрази.

– А полюбовно не стоит, да? – издеваюсь над «водилой», когда он толкает меня животом на капот моей ласточки. – Только когда из себя всесильное чмо строишь, немного стручок шевелится?

Психует гад. Из стороны в сторону за куртку дергает.

– Заткнись, сука! – сопит.

– А зачем? Разговорчивых не любишь? Или только тех, кто про тебя правду говорит?

Сама не понимаю, зачем его довожу, но делаю это с каким-то изощренным удовольствием. Потому что чувствую,

что мудака это задевает и бесит до трясучки.

– Сейчас разложу, по-другому, гадина запоешь!

Наваливается на меня сверху, сдирает шапку, выпуская наружу копну ничем не сколотых выющихся волос. Они спадают по обеим сторонам лица, почти полностью закрывая обзор.

Пусть так. Меньше ржущую рожу напротив буду видеть.

Пьяница стоит, облокотившись локтями на капот с другой стороны ласточки, хлещет своё крепкое пойло и лыбится, как блаженный. Вуайерист чертов.

– Смотри-ка, не пугливая. Зубастенькая. Люблю таких, – заявляет, похабно облизываясь.

Тоже мне, любитель выискала.

И сколько в него еще этого алкоголя влезет, чтобы он, наконец, отключился?! Ну не бездонная же глотка?!

– Да чё за херня у тебя тут надета? – злится «водила». – Где ремень?

Дергает за куртку, задирая ее вверх, шарит руками по бедрам, талии. Пытается лезть выше – ничего не находит и бесится сильнее.

Мысленно злорадствую.

Вместо брюк наткнулся на комбинезон и мозг сломал?

Так тебе и надо, тупень!

– Сука, где эти чертовы штаны начинаются? – рычит громче.

Толкает меня в спину, заставляя упираться ладонями в

жутко холодный металл корпуса машины. Опять шарит по телу.

– А ты за фонариком стоняй, – огрызаюсь, извиваясь и толкаясь, а еще проклиная тот момент, когда сняла варежки.

Вот зачем? Кожу рук, спасающих нос от столкновения с капотом, покалывает ледяными иголками. Пальцы постепенно немеют и теряют чувствительность.

– Долго ты еще там возиться будешь? Холодно, мля, – выдает скучающим тоном «умник», про которого я слегка успела подзабыть.

Зря.

Это урод, устав ждать, приближается совсем неслышно и, схватив меня за волосы, резко дергает назад.

Взвизгнув от неожиданности, выгибаюсь в спине и безуспешно пытаюсь отцепить безжалостную руку. Кажется, еще чуть-чуть, и он выдерет мне волосы вместе с кожей головы.

– Заткнись, тебе сказали, – произносит он негромко, заглядывая в глаза.

А в следующую секунду удар в живот заставляет согнуться пополам.

Ох!

Воздух покидает легкие и совершенно не хочет наполнять их вновь. Внутри все вспыхивает огненным валом боли. Слезы застилают глаза.

Господи, как больно. Больно. Больно. Больно.

Меня никто никогда не бил...

Никто...

Никогда...

И я не хочу повторения.

Скуля, падаю на колени и стараюсь отползти подальше. Благо подонок уже отпустил и теперь просто стоит, наблюдает.

Хладнокровно. Как змей.

Подняться на ноги даже не стараюсь. Кажется, я вообще больше никогда не смогу разогнуться.

– Ну же, Жека, вот она, смирившаяся. Давай, брателло, действуй дальше, – цыкает главарь отморожков, слегка растягивая узкие губы. Тянется к карману и вытаскивает пиликающий телефон. – Так, давайте-ка пока тут сами. У меня базар важный.

И развернувшись уходит к машине.

Распахивает водительскую дверь, вырубает орущую на всю округу музыку и, забравшись в салон, закрывается.

В первое мгновение тишина оглушает. Кажется неестественной. В ушах появляется звон. А в следующую секунду взгляды оставшихся нелюдей вновь прилипают ко мне.

– Развлечемся? – ухмыляется пьяница, салютуя нам бутылкой.

Оттолкнувшись от машины, у которой он все это время стоял и с блаженной улыбкой наблюдал за происходящим, выпрямляется и ставит тару на капот. Потирает руки. Пере-

глядывается с «водителем».

– Давай, Жэк, я первый, – предлагает, поглаживая пятерней подбородок.

– В очередь, Тёмыч. Она – моя, – мотает головой стоящий рядом со мной поганец и в два шага сокращает расстояние.

Изогнувшись, широко расставляет ноги и нависает сверху. Тянется к горловине курки и, зажав ее в кулаках, дергает в разные стороны.

Треск разлетающихся звеньев молнии режет слух.

– Нет! Уйди, гад! Уйди, – падая на спину, пытаюсь отбить его руки.

Упираюсь пятками в рыхлый снег и подаюсь корпусом назад, желая отползти.

– Не ломайся, дура. Хуже будет!

– Отвали, псих!

Оплеуха обжигает щеку.

– Заткнись! Рот будешь открывать, когда скажу сосать и облизывать.

Новый рывок, и лямка комбинезона разрывается.

– Готовься орать, сучка.

Следующие минуты помню плохо.

Несмотря на приказ заткнуться и слушаться, продолжаю сопротивляться. И получаю за это. Еще несколько пощечин летит друг за другом.

Щеки горят. Губы трескаются и кровоточат. Во рту ощущается привкус железа и соленых слез.

От накрывающей сознание истерики трясет.

Перестаю чувствовать холод. Перестаю ориентироваться в пространстве. Лишь смутно понимаю, что меня вздергивают вверх и бросают спиной на злосчастный капот.

Взмахиваю рукой и сшибаю бутылку. Не специально. Но мне нравится, как матерится пьяница, на которого она опрокидывается.

– Стерва криворукая, теперь за новой идти, – негодует он, а затем, кажется поскальзывается.

То, что это мой единственный призрачный шанс, понимаю краем незамутненного дикой паникой сознания.

«Водитель» уже принимается стягивать с меня комбинезон, когда я бью пяткой ему между ног. А затем, не думая, попала или нет, вытаскиваю из кармана лак для волос и жму на клапан.

Боже, когда бросала маленький флакончик в сумку уже перед самым выходом из офиса, еще думала, пригодится или нет. Но то, что буду использовать его не по назначению, точно не помышляла.

– Тва-а-арь!!! – вопль придурка оглушает.

Он хватается руками за лицо, начинает растирать глаза.

Не медлю. Счет идет на секунды. Спрыгиваю с машины на землю. Делаю два шага и... врезаюсь в грудь чертова умника.

Господи, как он так быстро появился?!

– Как же ты меня достала, тварь, – произносят его губы.

А в следующую секунду его ладони, взлетая вверх, бьют

по ушам. Одновременно.

Первую секунду еще не понимаю, что он сделал. Во вторую голова взрывается сумасшедшей болью.

Будто внутри моей черепной коробки детонирует граната, разом пробивая ушные перепонки.

Все звуки вмиг пропадают. Нарастает гул. Бесконечный, протяжный, не меняющий тональность. Словно я каким-то образом оказалась внутри колокола.

Мамочка, как же мне плохо.

Отчаяние топит.

Изо всех сил зажмуриваюсь и теряюсь. Зажимаю уши и падаю на корточки. Кажется, даже что-то шепчу... но себя не слышу.

Ничего. Не. Слышу.

Я в вакууме.

Они меня убьют. Теперь точно убьют.

Пробивается сквозь панику понимание.

А я так хочу жить...

Сделав вдох, распахиваю глаза и замечаю, что придурки пялятся куда-то мне за спину. Что-то орут друг другу...

Что, не знаю. Да и плевать на них.

Мне надо спастись. Спрятаться.

Надо. Выжить!

Срываюсь с места и бегу, не разбирая дороги. Вперед... или назад... не знаю... мне все равно. Главное, подальше от мерзавцев.

Заметив какую-то тропку, уводящую с трассы в лес, без раздумий скатываюсь на нее. Руки по локоть уходят в снег. Ноги вязнут.

Вытаскиваю их силой и делаю новый шаг. И еще шаг.

Остановлюсь – найдут – я умру. Значит, нельзя останавливаться.

Не оглядываясь, удаляюсь, пока не покидают силы. Приваливаюсь к какому-то дереву, дыша загнанной лошастью. Съезжаю по стволу вниз и, зажав в окоченевших руках связку ключей – единственную оставшуюся защиту, прикрываю глаза.

Передохну секундочку.

Просто отдышусь.

Глава 5

... Эля, внуца, вставай... вставай, родная... ты чего тут разлеглась, милая? Негоже... негоже на холоде спать...

– Я чуть-чуть, бабушка.

... Никаких чуть-чуть, Элюшка... вставай, моя хорошая... прямо сейчас...

– Да, да, бабуленька, уже встаю, – бормочу под нос, совершенно не желая разлеплять глаза. – Вот уже почти поднялась...

... Да как же поднялась, хитрая лисичка, ежели валяешься?! Давай, донюшка, поднимайся с земли... тебе еще детей рожать... поднимайся, не спи...

– Не сплю, я, угу, – отвечаю.

И хмурюсь.

Стоп!

Какая бабуля? Она же умерла почти десять лет назад.

Делаю вдох и распахиваю глаза. С трудом. Мешают слипшиеся ресницы. Приподнимаю голову и охаю. Шея затекла, жуть.

– М-м-м, черт, больно как...

Хочу потянуться рукой, размять мышцы, а пальцы почти не разгибаются. Замерзли сильно. И ног почти не чувствую. Вот тебе и ботинки на толстой рифленой подошве. А согреть толком не могут. Блин, и куртка распахнута... да нет же,

разорвана...

Кем?

Боже! Точно! Три садиста. На дороге. Они меня не нашли? Не может быть...

Или может?

Прислушиваюсь, но ничего не слышу. Абсолютно.

Только звон в голове стоит.

Звон, который перекрывает всё. Мешает ужасно. И не прекращается, когда я тянусь к ушам, желая его прогнать. Трогаю их, немного тяну за мочки – не помогает. Зато ладони оказываются влажными.

Смотрю на них и вижу кровь.

– Мамочка...

Думала, самым страшным было – встретить тех уродов на дороге... но ошиблась. Лишиться слуха... зимой... в темноте... в лесу... – вот что истинно кошмарно.

Резко втягиваю носом морозный воздух и заставляю себя не реветь.

Нет! Нельзя отчаиваться!

С мерзавцами справилась и здесь должна суметь. И сумею. Я сильная. Да. ДА! ДА!!! И неважно, что окоченела так, что зуб на зуб не попадает.

Раз могу двигаться, значит, буду двигаться. Хотя ползком.

Движение – жизнь!

Если останусь тут – вариантов ноль. Замерзну и умру. Не зря бабуленька разбудила. Ох, не зря! Спасла родименькая.

Натягиваю повыше воротник, запахииваюсь. Одной рукой придерживаю разорванные полы куртки, а заодно живот, который ноет. Сильно этот белобрысый гаденыш меня ударил. Не жалея.

Другой рукой в качестве поддержки опираюсь на дерево, возле которого успела задремать. Потихоньку выпрямляюсь, не до конца, но как могу. Осматриваюсь.

Собственные следы на снегу нахожу почти сразу. Сложно не заметить две такие глубокие колеи. Прослеживаю их и не замечаю никого, кто мог бы по ним двигаться.

Почему?

Не захотели идти в лес и добивать, потому что в ботиночках по сугробам скакать не комильфо?

Бросили, надеясь, что заблужусь, и сама сдохну? Или волки сожрут?

А тут есть волки?

Тверская область, Эльза! Конечно, есть!

Боже, не буду о жутком! Какие еще варианты?

Сидят в машине в тепле и ждут, что сама выйду?

А вот это похоже на правду.

И что мне делать? Как понять, есть они на трассе или нет?

Ведь я их даже слышать теперь не могу. Чертов звон в голове перекрывает все. Становится моим миром. И я не знаю, как долго он им будет оставаться.

А если навсегда?

Так, Эльза, кыш истерику! Соберись, тряпка!

Глаза есть? Есть. Вот и будем ими пользоваться.

Труся как тот заяц, что волков поблизости чувствует, но и свои ограниченные возможности осознает, решаю не углубляться в лес дальше, рискуя заблудиться окончательно... или провалиться в какую-нибудь яму, от которых пока боженька оградил, а потихонечку, внимательно оглядываясь, попробовать вернуться к дороге.

Если замечу фары или хоть один огонек, сразу остановлюсь. И буду решать, исходя из ситуации. А если, о, чудо, нелюди по какой-то причине свалили прочь, выберусь и пойду по дороге вперед. Сколько смогу.

Нужно добраться до ближайшего жилья. Любого. До людей. А там станет проще.

Ну не могут же быть кругом одни твари, подобные тем, которые на меня набросились. Не могут. Иначе...

Что иначе – даже домыслить не пытаюсь.

Лишнее это. Да.

Просто иду вперед. Потихоньку. Еле переставляя ноги, которые вязнут и вязнут. А еще горят и подкашиваются. Так сильно их сводит от мороза, что пальцев почти не чувствую.

В какой-то момент кажется, что я не дойду... что заблудилась, сбившись с пути... что осталась одна-одинешенька в целом мире...

Очень хочется плакать. Безумно. Хочется, как маленькой девочке, плюхнуться на попу под ёлкой и зареветь. Громко. В голос.

Борюсь.

Борюсь с усталостью. Борюсь с паникой. Борюсь со слабостью... но позволяю себе хлюпнуть носом. И еще раз. Закашливаюсь не специально.

Простыла я, да. Слабенькая, знаю. Но самое ужасное даже не это, а то, что я собственного кашля не слышу. Только чертов звон.

И всё.

До дороги добираюсь на чистом энтузиазме. Практически не веря в успех. Замираю у ближайшего к трассе дерева и осматриваюсь.

Темно.

Везде темно. Передо мной. Слева. Справа.

Уехали?

Сразу выползать не решаюсь. Еще немного стою. Жду.

Вдруг где-то искорка вспыхнет?

Нет. Не вспыхивает. Пусто. Уехали.

И все равно жутко. Очень. Они – твари хитрые. И их трое. Я – одна. Ссыкуха. Ужасная. Но если не начну двигаться, рискую замерзнуть прямо тут, у этого дерева.

А я не хочу, преодолев уже так много, сдаться на простом. Нет. Не дождутся.

Выбираюсь на трассу и только в этот момент понимаю, что не только внедорожника извергов нет, моя ласточка тоже отсутствует.

Как? Неужто колесо поменяли?

Не верю. Где б они взяли ночью резину нужного размера?
А перебортировали чем? Языками?

Вряд ли.

Борясь с собой, смотрю назад, где еще совсем недавно стояла моя машина. Раздумываю – стоит ли вернуться и осмотреться, чтобы понять, куда дели четырехколесную прелесть, или же не терять время и идти вперед. В неизвестность.

Столько раз ездила по этой дороге, а сказать – будет деревня через километр или мне придется пройти все двадцать – не могу. Не запоминаю я такие вещи. Для меня все повороты на одно лицо. И где точно нахожусь – не имею представления.

Зато четко определяю, что силы тают на глазах. Боль в теле нарастает с каждой минутой. Стоять прямо давно перестала, сгибаюсь вбок, чтобы было легче.

При этом я замерзла... напроць. Вся.

И спать очень хочется. Глаза так и норовят закрыться.

Не дойду, понимаю всю бедственность положения. Слабачка я. Но почему-то за это уже не стыдно.

Выдохлась. Выработался ресурс. Батарейки сели.

Когда вдали появляются огоньки, принимаю их за мираж. Разгулявшееся воображение. Да что угодно.

Отлично осознаю лишь одно – даже если это отморозки возвращаются, я не побегу. Куда там... шагу не сделаю прочь. Не осилю. Так и буду стоять вмерзшим в землю столбом.

И будь, что будет.

– Точно мираж, – усмехаюсь, когда огоньки начинают расплываться и из двух превращаются в шесть.

Мотаю головой и задираю ее вверх. Лучше смотреть на звезды. Они такие яркие. Такие нереально близкие. И холодные, как всё вокруг.

Мамочка, папочка, я вас очень-очень люблю.

Глава 6

АЛЬБЕРТ

– Это чё, мля, за снегурка такая?

Голос водителя, обычно спокойный и флегматичный, а теперь удивленно недоуменный, заставляет оторвать взгляд от планшета и посмотреть вперед.

– Что там, Паш? – интересуюсь, не сразу успевая перестроить зрение.

После яркого экрана вглядываться в темень за стеклом получается не сразу.

– Деваха молодая.

– Только странная она какая-то, – а это уже Влад, сидящий на переднем пассажирском, голос подает.

Вижу, как его плечи напрягаются, а левая рука плавно уходит под полу всегда расстегнутого полупальто, где он носит кобуру.

– Однозначно, странная, – поддакивает водитель. – Откуда она тут взялась? До ближайшего поселения семь кэ-мэ по бездорожью или двенадцать по трассе.

– И машины нет, – снова Влад.

– И на плечевую не тянет, – оценивает Пашка.

Прищуриваюсь, наконец, умудряясь срисовать детали. Соглашаюсь.

Ночные птицы обычно одеваются довольно фривольно для

ночи. Короткое пальто, не по погоде легкое. Высокие сапоги. На ногах чулки или лосины. На заднице юбка или шорты.

Неважно – что, главное, в облипку. И похер, что зима. Всё ж для клиента и ради...

А эта в джинсах. К тому же свободного кроя, нисколько не подчеркивающих нижние девяносто. Про ноги вообще молчу. Армейские ботинки, кажись. И куртка на плечах дурацкая. Огромная. Дутая. Делаящая фигуру бесформенной.

Непривлекательное нечто. Но по погоде – самое оно.

– Не, явно не плечевая, – подтверждает мои мысли Влад. – К тому же место для съема совсем не хлебное. Дебри непролазные. Много ли заработает, если за ночь, дай бог, пара машин мимо проедет?

Логично.

Или ее сюда спецом определили? Пробили мою Деревеньку поблизости, вычислили, что из Москвы возвращаться буду, вот и подкинули чаечку?

Развиваю мысль, разглядывая странную девчулю внимательней.

А что?

Покружит. Почирикает. Попросится пустить погреться. Поластится. ... глядишь, приглянется... Еще пара телодвижений и хоп! Вот уже засланный казачок под боком?!

Да ну. Вряд ли.

Слишком топорно и телодвижений много. А риски не оправданы.

Анализирую вводные.

Во-первых, время. Никто ж не знал, что я в ночь сорвусь, а не поутру буду возвращаться, как привык... Даже я сам. Ведь планировал остаться, пока с какого-то пса не засвербело, что не хочу ночевать в столице.

Во-вторых, погода. Зима. Морозы. И не для галочки, а приличные, минусовые. Такие, что порой до нутра пробирают.

И что? Нашлась экстремалка, готовая среди сугробов сутки пропрыгать, только бы клиента заловить?

Смех!

В-третьих, не факт, что я бы не рванул прямиком в Питер. Такая идея в голове тоже мелькала. В последний момент передумал. Тишины захотел.

Но ведь я мог и в гостевом доме тормознуть... или заранее «подружку для отдыха» прихватить... или, на худой конец, уснуть в дороге и ее не заметить...

В целом, вариантов тьма. Хоть жопой жуй!

Так что с подсадной уткой – полная туфта.

Не катит.

Девчонка точно не по мою душу.

– Сбавь скорость, Паш, – отдаю распоряжение и продолжаю наблюдать.

– Может, парней первыми пустим, – подает голос Влад, когда расстояние остается примерно метров сто пятьдесят.

– Реально думаешь, что из сугробов засада выскочет? –

подкалывает начбеза Пашка, но сам через зеркало заднего вида на меня поглядывает.

Ждет ЦУ.

Дам знак, пропустит всех до единого. Хоть черта лысого. И слова не скажет.

Приказы начальства не обсуждаются. Это основа основ.

– Я думаю... – начинает Влад, но резко сам себя обрывает и головой вправо дергает. – Мля, вон машина ее... в кювете торчит.

Тычет пальцем и по рации сопровождение предупреждает.

Но я уже не смотрю. Точнее, смотрю... но не туда...

На девчонке подвисяю.

На черных развевающихся на ветру волосах. Длинных, блестящих. Охуенно красивых.

На сверкающих в свете фар глазах, когда она голову, задранную к небу, опускает... и в нашу сторону поворачивается.

На щеках красных от...

– Пашка, тормози, бля! Она же вся в крови, – рычу не своим голосом и, не слушая, что кричит начбез, снимаю блокировку с двери и, плюя на отсутствие верхней одежды, выскакиваю из машины.

Бегу вперед, потому что вижу, что взгляд брюнетки стекленеет, худенькая фигурка покачивается и начинает заваливаться, как подкошенная.

Не знаю, от чего так штырит. Беззащитность ее прошивает насквозь? Или ещё что-то?

Похер.

Адреналин в крови зашкаливает. Рассудительность уходит в астрал. Зато инстинкты вскипают.

Заплаканная... испуганная... раненная...

Но живая...

Живая же, мать ее ети?!

Кажется, первый нормальных вдох делаю, только когда, поднырнув почти плашмя, ловлю ее на себя у самой земли и, ссука, голову в паре сантиметров от обледенелого покрова перехватываю.

Успеваю.

В последнюю секунду успеваю. Страхую, не позволяя удариться. Прижимаю к себе накрепко, защищая от новых травм, и перекатываюсь, максимально смягчая жесткое приземление.

– Альберт, ты как?

– В норме.

– Точно?

– Да что со мной будет? – не сдерживаю легкого ворчания, отвечая вопросом на вопрос.

Ясно, что начбез беспокоится. Работа у него такая. Так и

я – не кисейная барышня. С полпинка не развалюсь, чтоб вокруг меня танцы с бубнами устраивать.

А вот что касается барышни...

Чуть-чуть ослабляю хват. Убираю руку с тонкой талии и тянусь, скидывая с лица девчонки разметавшиеся из-за переката волосы. Вглядываюсь.

Хорошенькая снегурка. Даже вот такая... неестественно бледная, с посиневшими губами, испачканными в крови скулами и удивительно черными бровями и ресницами. Последние, к слову, даже не дрожат.

Без сознания?

Хреново.

Касаюсь губами лба. Холоднющий.

Очень хреново.

– Влад, помоги. Только аккуратно. Фиг знает, какие она травмы заработала, когда в кювет слетела.

– Да, конечно, давай, – присев на корточки, Томилин просовывает руки, как и я, одну под талию, второй фиксирует шею. – Готов, поднимаю.

– Медленно, – отслеживаю каждое его действие, попутно поднимаясь и стряхивая снег. – Паша, заднюю дверь открой. И печку вруби на полную. Влад, клади вдоль по сидению.

– А ты куда?

– Спереди поеду.

– Понял.

Отлично. На хрен лишние вопросы. Разобраться бы с те-

ми, что уже в голове возникли.

– Альберт Янович, что с машиной делать? – а это уже парни из рассредоточившейся по периметру охраны подгребли.

– Что там? В хлам? – интересуюсь, не глядя.

Натягиваю пальто, которое Павел успел принести, и вытаскиваю телефон. Все внимание сосредотачиваю на поиске нужного номера в записной книжке.

Обычно время – деньги.

Но сегодня, по ходу дела, время – это жизнь. И медлить нельзя.

Ага. Вот и он.

Абонент «Щац И.С.»

Жму на вызов без лишних раздумий и бесполезных взглядов на часы. По барабану, день или ночь. Раз надо, значит, надо.

– В том-то и дело, что нет, Альберт Янович. Машина не... – начинает Сашка.

– Тс-с-с, – поднимаю палец, прося тишины.

Ухо как раз улавливает сигнал соединения и сонное...

– Алло.

– Иван Степаныч, доброй ночи. Гольдман беспокоит. Помощь нужна. Срочно, – без пауз перехожу к делу и бросаю взгляд на «гелик», будто сквозь железо могу видеть девчонку, уложенную на заднем диване.

– Да разве ж ночь добрая, Альберт Янович, коль за доктором посылаете? – укоризненно вопрошает Щац.

Отмахиваюсь, допуская улыбку в голос.

– В недобрую, мой дорогой друг, я вас точно не побеспокою. Как и никого другого. Буду занят... навечно.

– Тьфу на вас с вашими жуткими шутками, – ворчит мой собеседник для видимости... и через секунду переходит на деловой тон. – Через сколько машину ждать?

– Не машину, – поправляю, – вертолет. Я в Тверской.

– Вот как? Симптомы?

– Обморожение... авария... может, еще что... не знаю.

– Понял. Разберемся.

И всё. Никаких вопросов. Никаких возражений. Никаких предложений найти кого-то поближе.

– Спасибо. Сейчас Влад все согласует и перезвонит. Скажет через сколько будет готов борт.

Не прощаясь, сбрасываю вызов и поворачиваюсь к парням. Пересекаюсь взглядом с Томилиным. Приподнимаю бровь.

Кивает.

Отлично. Разговор слышал, значит, задачу понял, и повторять не нужно.

То, что сделает в лучшем виде, ежу понятно.

– Ведите, – это уже Сане кидаю приказ и первым шагаю в направлении, где у обочины столпились несколько человек.

Ну и что их там так в машине снегурки напрягло?

Модель? Цвет? Наклейка «туфельки» на заднем стекле?

Хм, нет... судя по лицу Влада, что-то более интересное,

но он пока молчит и умозаключениями делиться не жаждет.

Ла-а-адно, я тоже не прочь по сугробам ползать и дедукцию прокачать. Давно не практиковался... в первом. Разомнись. А что касается второго... реально, любопытство прогрессирует.

Но прежде:

– Паш, сядь в машину. Если, – кивок в сторону «гелика»,
– девочка в себя придет, сразу зови.

– Сделаю.

Всё. Теперь иду.

Парни расступаются, едва меня замечают. Саня протягивает фонарь. Молчит. Но по лицу вижу, соображениями поделиться жаждет.

Однако терпит. Ждет команды. А я не даю, потому что и сам легко догоняю, в чем прибабах нестыковки.

Подсвечиваю себе левую боковину кузова. Правую.

Следов нет.

Человеческих. Возле машины. Ни одного.

И как это возможно? Не по воздуху же моя снегурка выбиралась из кювета, когда в него с трассы слетела, сидя за рулем...

А машинка точно ее. Не левая.

Не знаю, как к этому прихожу, но ни грамма сомнений нет. Брюнеточка маленькая, темненькая. И купешечка ей под стать.

Да, ее тачка. Без «бэ».

– Херня какая-то выходит, Альберт Янович, – не сдерживается Саня, почесывая бритый затылок.

– Херня, – подтверждаю и, хотя уже понимаю, что буду прав, киваю, – морду машины проверьте.

– Не битая, – раздается через минуту.

Ну так и есть. Не удивлен.

– Сечешь, в чем суть? – поворачиваюсь к тихо подошедшему Владу.

– Нет, но разобраться интересно, – озвучивает он и мои мысли. Затем взмахивает телефоном и добавляет. – Вопрос с Шацом решил. Через два с половиной часа будет у нас.

– Отлично, – прищуриваюсь, осматривая дорогу, подсвеченную фарами трех внедорожников.

Тихо. Пусто. Холодно.

Что ж с тобой тут случилось, девочка?

Ладно. Выясним.

– Выдвигаемся в сторону дома, – отдаю команду и делаю шаг в сторону «гелика».

Нечего снежную кашу зазря месить. Нужно снегурку везти отогреваться.

– А с купешкой что? – кивает Влад в сторону кювета.

– Парней оставь. Пусть вытаскивают и в Деревню перего-
няют.

И тут Саня, тоже спустившийся вниз вместе с Вовкой, голос подает:

– Альберт Янович, машина открыта. На полу мобильник,

сзади сумка. Доставать?

– Естественно.

– Если найдем документы, сэкономим время, – вторит То-мили.

Переглядываемся.

Дураку ясно, что так просто уже этот вопрос не схлопнется и на тормозах не спустится, пока до сути не догребем. А мы догребем. Уж очень с начбезом головоломки решать любим...

Особенно те, что под самым носом кто-то проворачивает.

Глава 7

АЛЬБЕРТ

До дома доезжаем за тридцать семь минут.

Сам не знаю, зачем засекаю время. Но засекаю. Как и не перестаю всю дорогу постоянно оглядываться.

Под конец пути шея не просто побаливает, а проклинает меня за упрямство и недоверие к собственному водителю. Кажется, что он то слишком гонит, то резко входит в поворот, то специально одни кочки и ямы выбирает, чтобы снегурка свалилась с сидения и сама себе навредила еще больше.

Бред.

Понимаю, что клинит... и не фигово так. Но тормоза будто не работают.

Когда сворачиваем на «свою» тропу, уводящую непосредственно к дому, стараюсь бесшумно выдохнуть. Всё. Бездорожье кончилось. Теперь гладко, как по стеклу. Осталось совсем чуток попетлять, и будем на месте.

Ворота оказываются распахнуты. Парни стоят на вытяжку. Ждут уже.

Ну ясно. Влад предупредил. Правильно.

Из машины выбираюсь, как только та тормозит.

– Пусть Серафима комнату приготовит и ванну наберет, – кидаю Павлу и иду к задней двери. Открываю и тут же ловлю

тихий полувздох-полустон.

Девчонка.

Очнулась? Что-то болит? Где?

– Эй! Пришла в себя?

Просовываю голову в салон, стараюсь поймать ее взгляд.

Нет, бесполезно. Глаза закрыты. Только длинные ресницы подрагивают на чуть порозовевших щеках и с пухлых губ очередной глухой стон срывается.

Ага, и руки вместо того, чтобы не мешать, начинают меня отпихивать, когда тяну ее на себя, вызволяя с заднего сидения автомобиля.

– Тш-ш-ш, не буянь, злюка.

Прижимаю ее к себе теснее, чтобы нигде не застрять. Выбираться из «гелика» с девушкой, пусть и хрупкой, на руках – та еще задачка. Вместительный салон как по волшебству сужается до размеров спичечного коробка.

– Помощь нужна? – слышу голос Влада.

– Нет. Хотя, дверь придержи.

Придерживает.

Выбираюсь. В свете уличного освещения бросаю взгляд на лицо снегурки, и в этот момент она жадно хапает губами воздух и распахивает свои глаза.

Ореховые.

Не карие, а именно ореховые. Светлые. Особенно в обрамлении черных ресниц.

И п..здец какие испуганные.

В следующую секунду малышка начинает выгибать и биться в моих руках. Не для виду. Отчаянно. Агрессивно. Так, будто я – маньяк, а она свою жизнь защищает.

– Эй, тише! Тише! Мы не причиним тебе вреда, – пытаюсь ее успокоить и попутно не словить оплеуху по роже.

Привыкший выхватывать детали разом мозг, отмечает и полную дезориентацию, и расфокусированный взгляд. А еще дикий страх и какую-то обреченность, пробуждающую что-то у меня внутри.

– Хватит истерить! – а это уже Влад рыкает, решая помочь.

Он ловит тонкую кисть в непосредственной близости от моей щеки, прижимает ее к телу, фиксирует женский подбородок, обхватывая пальцами, и заставляет девочку посмотреть ему в лицо.

– Мы – не враги. Не дури!
Да фиг там!

Брюнетка будто не слышит, извивается сильнее. Еще и скулить начинает, как раненый зверек.

Кукуха на вынос. Потряхивает.

– Влад, не трогай, – велю начбезу, параллельно ставлю де-вушки на ноги.

Но не отпускаю, прижимаю к себе крепче, поддерживая, чувствуя, как ее ведет, но больше стараясь защитить... от собственного подчиненного.

Зашибись, инстинкты проснулись.

Обнимаю хрупкое тело обеими руками, поглаживаю по спине, волосам и охреневаю от того, какая же малявка сейчас находится в моих руках. Невысокая, тощая, но фигуристая. Даже через бесформенную куртку ощущаю ее пышную грудь.

К месту, ага!

Звездец, Гольдман, тебя кроет.

Что дальше?

А дальше обоняния касаются цветочные духи. Легкие, едва ощутимые. И ещё что-то манящее, дурманящее именно внутреннее чутьё, не рецепторы даже. И эти ощущения настолько непривычны и новы, что на доли секунды теряюсь, чтобы уже в следующую грязно выругаться.

– Тш-ш-ш, не дерись, – горячим дыханием касаюсь темноволосой макушки.

Снегурка вскидывает голову, смотрит дико, как загнанный в ловушку зверек... но не отталкивает больше. Жметесь сильнее, будто тепло ищет.

Мля...

Зима, Берт! Мозги включай!

– В дом пойдем, – говорю негромко, стараясь не напугать, и ловлю непонимание и очередную волну страха.

Вглядываюсь в разводы крови по щекам, тянусь к волосам, убираю их за ухо...

– Ссука! Грёбанный городской! Влад, она реально не слышит, – шиплю сквозь зубы.

Не хочу, чтобы девочка прочитала по губам и догадалась, какой я матерщинник.

А вот желание не просто разобраться, что на дороге произошло, но сделать это в максимально короткие сроки – прогрессирует.

– Найди всё что можно и нельзя по аварии, – рыкаю и тянусь к карману.

Вынимаю телефон и, попеременно то, благодаря, то проклиная Т9, набираю текст:

«Ты в безопасности. Это мой дом»

Сую снегурке под нос и, заметив, что прочитала, указываю в сторону крыльца.

– Пойдешь?

Вижу, как подрагивают влажные ресницы, как беспокойный взгляд мечется от моих людей во дворе в сторону входной двери, и легко считываю вздох облегчения на слегка порозовевших губах, когда та самая дверь распахивается, а на пороге возникает Серафима в своей любимой меховой жилетке поверх халата и валенках.

– Альберт Янович, доброй ночи. Я всё сделала, как велели. Кровать чистым бельем застелила, воду в ванну набрала. А вы чего ж тут мерзнете?

– Воздухом дышим, – не сдерживаю улыбки. Смотрю на гостью и киваю ей в сторону крыльца, – теперь идем?

– Да.

Вот только сказать у нее получается чуть лучше, чем сде-

лать хоть шаг. Слаба. Слаба до невозможности.

Котенок трёхдневный, пожалуй, сильнее.

Не желая медлить и рисковать, что тонкие ноги откажут, подогнуты, а красивый носик встретится со ступенями, подхватываю брюнеточку на руки и в восемь шагов заносу ее в дом, затем в гостиную. Усаживаю на диван и отступаю на пару шагов, чтоб дать осмотреться:

– Добро пожаловать в мой дом.

Дорогие читатели, приглашаю в новинку "Сделка. Я тебе верю"

<https://litnet.com/shrt/uJPM>

 – Тебя можно поздравить с будущим материнством? – нечитаемый взгляд темно-синих глаз медленно соскальзывает на мой плоский живот, а затем вновь возвращает внимание лицу.
 Губы сами собой дергаются в легкой усмешке.
 – Меня – нет. Можешь поздравить с этим знаменательным событием моего мужа и его любовницу, – веду подбородком в сторону голубков, стоящих в компании моего свекра.
 – Разве Ольга не суррогатная мать?
 Иван прищуривается, а мне хочется рассмеяться в голос. Громко, от души. Но я себе этого не позволяю, слишком крепкие прутья у клетки, в которой меня держат. Один неверный шаг в сторону – моментально последуют санкции.
 Так рисковать я не готова...

<https://litnet.com/shrt/uJcM>

Глава 8

Короткий стук в дверь обрывает наш с Томилиным разговор.

– Можно?

На пороге кабинета переминается Шац.

– Иван Степаныч. Конечно, проходите, – делаю приглашающий жест рукой. – Выпьете?

Указываю на комод, где на подносе стоит початая бутылка Джека, ведро со льдом, чистый фужер и тарелка с ломтиками лимона.

Доктор переводит взгляд с меня, сидящего в кресле за рабочим столом, на Влада, расположившегося на диване, кивает.

– Кхм, не откажусь.

Многообещающее начало.

Делаю небольшой глоток из своего стакана, ощущая, как теплая волна омывает гортань и дразнит рецепторы волшебным ароматом, а затем прокатывается по пищеводу вниз. Медленно выдыхаю.

Дожидаюсь, когда Шац, приготовив себе напиток, расположится на свободном месте, интересуюсь:

– Как она?

Вопрос на миллион долларов. Хотя последнему дураку понятно, что хорошо – вряд ли может быть.

– Не слышит.

Поджимаю губы. Это я и сам выяснил... еще час назад, когда мы со снегуркой недолго общались с помощью телефона.

Теперь же меня интересуют детали. Сильно интересуют. Потому что разбитую переносицу я тоже срисовал, как и синяки на запястьях.

А Серафима, помогавшая Эльзе принимать ванну, куда меня, естественно, не приглашали, поделилась, что у девчонки большая гематома на животе и отчетливые следы пальцев на шее сзади. И, судя по размерам отпечатков, вряд ли брюнеточку так крепко обнимала любимая подружка.

– Разрыв барабанных перепонок, Альберт Янович, вещь очень и очень неприятная. Это постоянные головные боли, головокружение, тошнота, рвота. Лекарства я выписал, но только время покажет, восстановится слух или нет. Частично или полностью.

– А может не восстановиться?

Представляю, что снегурка идет вдоль трассы и не слышит, как мимо в опасной близости проносятся и сигналият дико ревущие машины, и внутренне ежусь.

Хреновый расклад. Очень.

– Всё может быть.

Нет. Меня подобное не устраивает. Хочу конкретики.

– Как скоро станет ясно? – щурится Влад.

Да, мне тоже интересно.

– Все зависит от организма. Может, через несколько дней всё нормализуется, а может, через месяц придется делать новое обследование и прибегать к операции.

– Это же не авария, – говорю я то, что и так понятно.

Качает головой.

– Нет. Ее ударили одновременно по обоим ушам, поэтому такой результат. Хорошо то, что не случилось кровоизлияния в мозг.

Да уж, действительно хорошо.

– Другие повреждения?

Доктор делает глоток виски, морщиться. От чего?

От градусов напитка, от моего вопроса или от того, что собирается ответить.

– Гематомы не опасны, мазь я выписал и передал вместе с другими назначениями вашей помощнице.

Так-так-так.

– А что опасно? – ловлю на оговорке и сжимаю свой фужер так сильно, что костяшки пальцев белеют.

– Девушка долго пробыла на морозе. Обморожения пальцев она, к счастью, избежала, но организм ослаблен. И сильно. Простуда сейчас только начинает набирать обороты. И во что всё выльется – сказать сложно.

– Предотвратить?

Откидываюсь на спинку кресла, стараясь не сильно сжимать подлокотники.

– Я вколол ей антибиотики, не дожидаясь ухудшения. Но

первые симптомы не радуют. Легкие забиты, дыхание тяжелое, температура идет вверх. Дальше явно проще не будет.

– И? Какие варианты?

– Забрать ее в клинику, – пожимает плечами Шац и тянется вперед, чтобы поставить пустой стакан на салфетку. – У нас там прекрасное оборудование и отличный персонал. Девушке будет обеспечен круглосуточный уход и...

– Нет!

Отталкиваюсь обеими руками от стола, сдвигая кресло назад, и поднимаюсь на ноги. Отхожу к окну и устремляю взгляд в пока еще темное небо, на котором постепенно начинают блекнуть звезды.

– Альберт, ты уверен? – легко различаю в голосе Влада недоумение. – Пусть девчонку подлечат, а потом ее можно будет забрать и выяснить всё...

– Нет. Эльза останется здесь, – оборачиваюсь и смотрю на собеседников по очереди. – Вы, Иван Степаныч, осмотрите ее еще раз утром, а потом уже мы решим, какая нам нужна медсестра и какое дополнительное оборудование. А ты, Влад, займешься расследованием. Я хочу знать всё, не дожидаясь того, сможет Эльза нам что-то объяснить или нет.

– Прошу прощения, Альберт Янович, – откашливается Шац, когда я отвожу взгляд от начбеза, дождавшись от того согласного кивка. – Она – ваша родственница? Близкая подруга? Просто вы раньше никогда не...

... никогда не вел себя подобным образом...

... никогда настолько ярко не проявлял эмоции...

... никогда так остро не реагировал на боль других...

Сам знаю.

Знаю. Прекрасно.

А еще помню, как недоумевал на слова хорошего друга, горевавшего над могилой девчонки, которую знал от силы пару месяцев.

Я тогда спросил его: «Неужто влюбился так сильно, зная ее всего-ничего?!»

А он ответил: «Да, Берт. С первого взгляда. Как увидел, понял, что моя. И поверь, влюбиться – не так страшно, как кажется. Страшно другое – проебать это чувство, потому что зассал, стал тянуть и раздумывать. У меня вышло именно так... и этого врагу не пожелаю... Не повторяй мою ошибку. Помни, что второго шанса может не быть. Не упускай первый и не откладывай на попозже... потому что порой попозже может не наступить, и вся жизнь станет пустой и ненужной...».

=====

Приглашаю в еще одну мою Сделку "Чужой жених. Нам нельзя"
Главный герой - Томилин. <https://litnet.com/shrt/9qmi>

Мне казалось, мы оба влюбились с первого взгляда. Цветы, прогулки, разговоры. Нежность в каждом движении, забота, ласка. Огненная страсть на прохладных простынях.

 А потом он исчез.
 Мы встретились за десять с лишним тысяч километров от Москвы спустя несколько месяцев. Я по-прежнему свободная и чуть-чуть беременная. А он – он чужой жених.

=====

Глава 9

ЭЛЬЗА

Происходящее вокруг настолько выпадает из моей повседневной реальности, что в попытке спасти сознание, я решаю не сопротивляться и принимать всё, что подкидывает мне богатое воображение.

Незнакомцы, не спешащие меня обижать?

Пусть будут незнакомцы. Я же хотела увидеть посреди леса людей.

Удивительно красивый, будто с новогодней картинки терем из оцилиндрованного светлого дерева, окруженный высоким кованым забором?

Пусть будет и то, и другое. И терем, и забор. Ведь в доме я непременно согреюсь, а ограда защитит меня от трех подонков, желавших поиздеваться.

Незнакомая женщина, всячески старающаяся помочь? Ее добрые глаза, смотрящие с участием, и заботливые руки, аккуратно промывающие мне волосы и закутывающие в бесподобно теплый халат?

Да-да-да, согласна! Пусть она не уходит. Одна я боюсь не справиться... и вообще одна боюсь... теперь боюсь...

Красивая комната с резной мебелью? Невероятно большая кровать и воздушное пуховое одеяло?

Боже, кажется, я попала в рай.

Мужчина в возрасте с саквояжем, под завязку забитым лекарствами и стетоскопом на шее, обещающий меня вылечить?

Конечно, пусть лечит. Я совершенно не против.

Вовсе не против, потому что неважно себя чувствую.

Совсем неважно. Мне плохо и сильно больно. Порой катастрофически.

Я то дико мерзну и стучу зубами, то заживо сгораю в котле.

То уплываю сознанием в дали дальние, где свежо и прохладно, то возвращаюсь, чтобы страдать от жажды и чувствовать, как каждая клеточка пульсирует агонией.

То борюсь за каждый вдох, потому что закладывает нос, а легкие полыхают огнем, то скручиваюсь клубком от кашля, который в один момент душит, а в другой вызывает рвоту.

Я слаба, как котенок, для которого поднять веки – первый подвиг, сфокусировать взгляд – второй, самостоятельно удержать в руках чашку – третий, проглотить ложку бульона – четвертый, сказать пару слов осипшим горлом – пятый. И так до бесконечности.

Я будто эпицентр несчастий, боли и страданий, где детали перемешиваются, а очередность путается.

От этого сильно хочется плакать. Безудержно.

Хотя, конечно, не от этого. А от того, что я не слышу.

Ничего не слышу.

Лишь оглушающий звон. И собственный, бьющий наба-

том пульс. Словно молоток судьи, оглашающего приговор моей беспомощности.

Мне страшно.

Жутко страшно думать, что в двадцать семь лет я оглохла и, возможно, стала инвалидом. И слова врача... написанные на листке блокнота, чтобы я могла их понять... что рано терять надежду, что звон пройдет через несколько дней, мало утешают.

Очень и очень мало.

Несколько дней в аду, где непрекращающаяся мучительная боль подстегивает страх, а тот в свою очередь, нарастая, подогревает боль.

И так по кругу... боль и страх, страх и боль... бесконечно. Моя жуткая реальность... в звенящей тишине.

А если она станет моей повседневностью?

Боже, только не это... Только не слух, который, оказывается, безмерно важная штука.

Говорят, по-настоящему мы начинаем ценить вещи, лишь их потеряв.

Каждый день, каждый час, каждую минуту личного апокалипсиса я на собственном примере убеждаюсь в правильности этих слов. Трогаю уши без остановки, ощупываю, надавливаю, а они... не работают.

Ни днем, ни ночью, ни новым днем.

И чем больше выздоравливает организм от простуды, тем сильнее накрывает беспомощность.

От нее очень хочется скрыться. Сбежать. Со всех ног...
Хотя бы в сон.

Но и там мне нет покоя. Постоянно мучаю кошмары. Одинаковые и от того более реальные. Трое подонков, не зная усталости, мчатся за мной по ночному лесу, загоняют как дичь, настигают и, дико хохоча, раз за разом бьют по ушам. Резко, больно.

Мгновенный громкий хлопок – и я кричу.

Кричу и реву.

Навзрыд.

И просыпаюсь. Но не от собственного голоса (я же его не слышу!), а от того, что начинаю задыхаться. От того, что меня колотит, сердце сходит с ума, а от соленой воды печет глаза и чешется кожа.

Какая же я жалкая, боже мой.

– Тшшш, иди ко мне, – нет эту фразу я не слышу, но считываю ее по губам.

Мужчина.

Высокий. Сильный. Серьезный. Он приходит ко мне каждый раз, когда я вижу повторяющийся из раза в раз ужасный сон.

Приходит и днем, и ночью, и медленно, четко выговаривает эту фразу...

Затем протягивает телефон, где напечатано сообщение, которое я давно запомнила наизусть:

«Эльза, всё хорошо. Ты в моем доме, и ты в безопасности.

Никто тебя больше не обидит».

А после не уходит.

Он забирается на мою кровать, садится в изголовье и обнимает. Просто обнимает. Столько, сколько мне требуется, чтобы успокоиться, прийти в себя и задремать. Уже без страха. Уже с пониманием, что он не пустит в мой сон ни одного дурного монстра.

Это жутко – ориентироваться только на зрение, осязание, и еще на совсем немного восстановившиеся обоняние и вкус.

Без звуков смотреть на людей, топающих, разговаривающих, хлопающих дверьми, смеющихся – дико. Они будто ненастоящие, из другой вселенной. Параллельной. Фальшивой. Не моей.

А в моей все тот же звон – нестерпимый, жуткий.

И удары сердца – тук, тук, тук... Гулкие. Пульсирующие. Как чеканные шаги, раздающие в огромном пустом зале.

Сложно себя контролировать.

Безумно сложно.

Ладно еще, когда сидишь в своей спальне. На кровати, упершись спиной в стену. Знаешь, что никто не сможет подкрасться сзади и навредить. Ведь всех вошедших непременно увидишь. Зацепишь хоть краем глаза.

Но стоит выйти из комнаты, покинуть безопасное убежище – и всё – одолевает паника. Кажется, за спиной точно кто-

то ходит, топает громко и беззаботно, или крадется, переступая по слегка поскрипывающих половицам, чтобы... да неважно, что... важно, что я не слышу.

НЕ СЛЫШУ!

И не могу себя защитить.

Ни один реальный звук в моем мире больше не существует. А постоянное напряжение выматывает похуже болезни, которая пусть и нехотя, но отступает.

Спустя три дня мне уже не хочется беспробудно спать, и я впервые отваживаюсь подняться с кровати самостоятельно, подойти на подрагивающих ногах к окну и выглянуть наружу. Увидеть кованный забор, который оказывается не картинкой разгулявшегося воображения, а реальной защитой, окружающей огромную территорию; темнеющий вдали лес, укрытый сверкающим на солнце снегом, и бескрайнее голубое небо, от которого слезятся глаза.

Спустя четыре дня я, урвав свободное между капельницами и уколами время, отваживаюсь принять душ. На быструю руку, чтобы не отругали.

Ну не могу ходить с грязными волосами, хоть тресни. Они раздражают ужасно, пусть и заплетены в косу. Тело, покрытое тонкой противной пленкой пота, тоже нервирует. Хочется то чесаться, то рычать, то выть, потому что кажется – от меня воняет.

Сильно.

Или не кажется?

Господи, я не знаю! Не чувствую! Но влажных обтираний мне однозначно мало.

На пятый день отваживаюсь покинуть убежище.

Долго стою перед закрытой дверью, разглядывая белое матовое полотно из цельного дерева, такого же цвета откосы, тонкую щель у пола и черную металлическую ручку. На ней зависаю особенно. Но всё же решаюсь.

Несмело тянусь, касаюсь прохладной гладкой поверхности и легонько поворачиваю.

Переступаю порог с дико колотящимся сердцем. Кровь так ярко бежит по сосудам, пульсирует с шумным... Вух! Вух! Вух!.. что, восстановись в эту секунду слух, я и тогда бы не услышала ни звука, клянусь.

Осматриваюсь.

Просторный холл. Справа еще одна дверь, похожая на мою. Вдоль торцевой стены угловой кожаный диван цвета топленого молока. В масть ему банкетки. Шахматный столик с фигурками из оникса. Чуть ближе ко мне резные перила лестницы, ведущей на первый этаж. И мансардное окно, добавляющее света.

Слева длинный коридор, заканчивающийся двустворчатым распашным французским окном. Еще несколько похожих дверей с обеих сторон. Везде картины. И никого.

Наверное...

Сглатываю страх и уверенно закрываю за собой дверь. Прятаться, конечно, хорошо, но вечно это продолжаться не

может. Пора двигаться дальше.

Медленно ступая, приближаюсь к лестнице. Огибаю поворот и...

Блеснувший экран телефона привлекает внимание. Переворачиваю – мама пишет.

«Привет, дочь, ну как ты? Как горло? Лучше стало?»

«Немного. Но говорить пока не могу, больно»

Легенду моим родителям придумали за меня.

Оказывается, пока была в беспамятстве, мамочка, словно чувствуя беду, постоянно названивала. Вот хозяин дома и предпринял меры, чтобы и ее успокоить, а заодно дать мне время прийти в себя.

Он сам ответил на вызов. Представился коллегой по работе и рассказал, что я простыла. Сильно. Так, что пришлось обратиться к врачам. Но главная проблема – из-за перенапряжения и переохлаждения пропал голос.

А чтобы быть более убедительным, отправил моё фото, спящей. Заретушированное, без синяков. Заодно пообещал, что с ней непременно свяжется мой лечащий врач и всё объяснит точнее.

Иван Степанович действительно ей позже позвонил и убедил, что я в надежных руках. Волноваться нет повода.

Мамуля успокоилась, но задалась целью ехать в Питер. Однако, не успела. Папа подцепил простуду. В легкой форме. Но спустя сутки стало ясно, что у него ковид.

И пусть по новым правилам карантин для контактных лиц

отменили, мама решила не рисковать и не тащить заразу ко мне. Вот теперь переписываемся...

«Ничего, дочь, главное, что ты мне отвечаешь. Так я меньше волнуюсь»

Улыбаюсь. Мамочка в своем репертуаре. Любит паниковать по любому поводу.

Ладно... иногда четко попадая в цель.

«Элечка, не забывай про теплое молоко с медом и варенье малиновое. Обещаешь? Оно же у тебя еще осталось?»

– Осталось, – отвечаю, не слыша собственного голоса, и набираю ответ:

«Конечно, мамуль. Не волнуйся. Вы меня им на пару ближайших лет снабдили)))»

«Вот и хорошо. Всё, не беспокою. Люблю тебя, родная!»

«И я тебя, ма! Папуле привет и мои объятия!))))»

Всё ещё улыбаясь, нажимаю иконку «отправить», поднимаю голову, чтобы идти дальше, и нос к носу сталкиваюсь с...

Глава 10

ЭЛЬЗА

– О, Эльза... – единственное, что получается разобрать по движению губ Серафимы.

Остальное – темный лес. Точнее, динамичная картинка, не дающая никаких подсказок.

Стираю с лица улыбку и качаю головой.

Чего бы важного или не очень не попыталась сейчас поведать мне эта добрая женщина, всё остаётся тайной за семью печатями.

Никак иначе.

– Прости, не понимаю, – произношу вслух, надеясь лишь на то, что мой голос звучит не слишком громко и не слишком тихо.

Я даже этого сейчас не различаю.

Закусив губу, раздумываю – вернуться в спальню за блокнотом, чтобы она могла написать, что хотела сказать, или...

Точно.

Протягиваю ей телефон, предлагая напечатать.

Душа наполняется сомнениями: вдруг я что-то нарушаю, покинув выделенную мне комнату? Или выгляжу неподобающе? Или могу помешать кому-нибудь, кто сейчас находится неподалеку?

Кто ж знает, вдруг хозяин этого особняка отмечает вни-

зу предновогодний банкет. Пригласил кучу важных людей в вечерних платьях и смокингах, организовал музыку, танцы, выступление артистов...

И вот они пьют, веселятся, произносят тосты... и тут спускаюсь я – чудо в перьях. Точнее, глухая бродяжка в халате поверх пижамы.

М-да, картинка в воображении создается стрёмная.

Нет, пижама у меня, конечно, красивая. Красная, клетчатая. Из теплой фланельки. Новенькая.

Я ее две недели назад через интернет заказывала. Себе в подарок на новый год.

И маме точно такую же.

Вот и везла к родителям. Хотела устроить шутиливую фотосессию, где мы обе были бы одинаково одеты и, весело улыбаясь, обнимали возле ёлки папу.

Того, к слову, я тоже не обделила. Выбрала домашний костюм, похожий на наши, только темно-синего цвета и с ёлочками. Смешной, но ведь на то и был расчет.

Жаль, сюрприз не удался.

Всячески стараясь отогнать удручающие мысли, которые совершенно не помогают выздоровлению, наблюдаю за Серафимой.

Чуть хмурясь, она сводит брови вместе и медленно скользит взглядом по буквам. Едва заметно кивает, шевеля губами, и, прицелившись, тыкает в экран одним пальцем. Проверяет, всё ли нажала верно, и вновь повторяет «ритуал».

Переступив с ноги на ногу, оглядываюсь, убеждаясь, что за спиной никого нет, и плотнее заворачиваюсь в халат.

Вот он – не мой.

Мужской. Огромный. Но такой мягкий, теплый, приятный на ощупь, с длинным ворсом, что я ношу его практически не снимая. И даже то, что он при желании может обернуться вокруг меня дважды, совершенно не смущает. Наоборот, кажется, что так его защита проявляется надежнее.

Будто это делает сам хозяина дома, которому, без сомнений, он принадлежит.

Альберт Гольдман.

Отчества не назвал, как не просила.

Мужчина представился мне пару дней назад, когда моё сонное состояние немного разбавилось часами бодрствования.

Ну, как представился? Напечатал... в телефоне.

Точно так же, как делает сейчас Серафима, только, естественно, в разы быстрее и не выражая такого огромного спектра эмоций.

«Напекла пироги. Принести тебе в комнату или вниз спустишься?»

Читаю текст, набранный с ошибками и без знаков препинания, но вполне понятный. Женщина, вернув гаджет, смотрит на меня вопросительно.

Раздумываю.

В комнате безопаснее, но... постоянно прятаться в закры-

том помещении глупо. Вряд ли я увижу здесь напавших на меня уродов. Если бы такое было возможно, они давно довели свое мерзкое дело до конца.

К тому же мне очень интересно осмотреться. Второй этаж, пусть я видела только холл, уже произвел впечатление. Особенно удобный на вид диван и шахматный столик. Внизу, наверное, еще красивее.

Но больше других меня манит иная цель, наиглавнейшая. Я до чесотки хочу кофе. Крепкого. С одной ложкой сахара. И без всякого молока.

Уж-жасно хочу.

А Серафима упорно приносит лишь травяные чаи и компоты. Полезные для организма, но не для души.

Поэтому...

– Я спускаюсь.

Помощница по хозяйству, довольная ответом, кивает и приглашает следовать за ней.

Иду.

Вы когда-нибудь задумывались, что глухота влечет за собой нарушение координации? Я – нет.

Но теперь... хорошо, что рядом оказываются перила.

Мой первый спуск с лестницы чудом не становится полетом, грозящим жестким приземлением. Хватаюсь за поручень в последний момент.

И ведь не зеваю, пока переставляю ногами. Смотрю в оба. Но без слуха координировать действия выходит очень слож-

но. Ты не слышишь звуков соприкосновения стопы со ступенькой, не ловишь интуитивно равные промежутки времени, в итоге запутываешься.

На пару секунд притормаживаю и прикрываю глаза. Делаю глубокий вдох-выдох, успокаиваюсь и возобновляю движение. Но уже медленнее. Приноравливаясь под свой собственный удобный темп. Не чужой.

Дальше становится легче.

Первый этаж.

Я предполагала, что он будет впечатляющим. Но не настолько.

Тут обалденно.

Наравне с интересным дизайном, натуральными материалами, используемыми в отделке, присутствует и роскошь, угадываемая в деталях, и гармоничность, и простота, и атмосферность.

Удивительное сочетание несочетаемого. Дорого-богато, но не вычурно, а по-домашнему уютно и комфортно.

Здесь тепло не физически, хотя в разожжённом камине, который я замечаю через двойные распахнутые двери гостиной, ярко пылает огонь. Здесь тепло душевно.

Нет желания куда-то спешить. Хочется задержаться. Всё рассмотреть внимательнее.

Прикоснуться к натуральному камню, которым облицована стена возле очага. Впитать пальцами тепло дерева, послужившего основой для создания явно дизайнерской мебе-

ли. Погладить шелковые подушки, с видимой небрежностью раскиданные на велюровом диване. Взять в руки вязаный цветастый плед, накинутый на спинку кресла. Вдохнуть запах мандаринов в большой вазе в виде ладьи, украшающей покрытый лаком резной комод.

– Эля, пойдём.

Считаваю не столько движение губ Серафимы, сколько распознаю её приглашающий жест в сторону коридора.

– Конечно, – киваю и возобновляю движение, не переставая осматриваться.

А, подойдя к огромной, метров в тридцать, кухне, оснащенной всевозможной современной бытовой техникой, застываю в дверном проеме.

Помещение не пустует.

Возле холодильника стоит мужчина. Высокий, крепкий, бородатый. Эдакий мачо, одетый в темные брюки и свитер.

Не Альберт.

Но с похожей сильной энергетикой.

Я сразу его узнаю. Это он хватал меня за руки и лицо и требовал уgomониться, рассматривая, как забавную зверушку, когда я ненадолго приходила в себя, выплывая из мутного марева беспамятства в первый день кошмара.

Мужчина воспринимается однозначно. Как угроза. Как тот, от кого не стоит ждать ничего положительного.

Спокойствие, которое немного удалось достичь в гостиной, испаряется в небытие. Секунда, и его как не бывало.

И пусть мужчина усмехается. Моя выдержка дает трещину. Сердце ускоряет бег, гул в ушах нарастает.

Глава 11

ЭЛЬЗА

Прикосновение к спине пугает до чёртиков.

Вздрагиваю всем телом и резко отскакиваю в сторону, чудом не налетая на кухонный шкаф. Кажется, даже взвизгиваю.

Оборачиваюсь, ожидая увидеть кого-угодно. Начиная от молчуна, возглавлявшего шайку подонков, с ножом в руках, до самого деда Мороза собственной персоной, только без мешка с подарками, но с топором. Или дьявола из преисподней... С того и рогов с копытами будет достаточно, чтобы меня добить.

Фантазия шпарит через край.

Но всё оказывается более прозаичным.

Сморгнув дикий ужас, встречаюсь с темными глазами хозяина дома.

Альберт.

– Всё хорошо, Эля. Ты в безопасности, – медленно, чтобы я успела разобрать, произносит он волшебную фразу и протягивает ко мне руку.

Как дикий зверек, замерший перед яркими фарами мчащегося на большой скорости автомобиля, стою и просто наблюдаю, что он хочет сделать.

Страх, сковавший льдом тело, не шибко спешит отсту-

пать. Но Гольдман оказывается настойчивым.

Дотянувшись до меня, он перехватывает запястье и, не дергая, медленно, плавно опускает его вниз. Только тогда я понимаю, что обеими руками обхватывала шею, будто реально ожидала, что мне кто-то полоснет по горлу.

Жуть! Вот это на нервах плющит.

– Извини, – произношу одними губами, и сама опускаю вторую руку.

М-да, неловко вышло.

Гостья фигова. Закатила истерику на пустом месте, еще и тому, кто фактически спас от обморожения в лучшем случае и смерти в худшем, а заодно обеспечил высококласной медицинской помощью, лекарствами и всеми удобствами.

Эльза, ты чушка! Без обид.

И если за это тебя попросят скрыться с глаз долой на втором этаже, стоит понять и свались. Даже не обижаясь. Честно.

Сама облажалась, винить некого.

Проклинаю собственную слабость, прикусываю губу и смотрю на мужчину прямо. В его насыщенно-карие очи, в которых почти не видно зрачков.

Хотя какое прямо, если он больше чем на половину головы выше меня? Приходится задирать подбородок.

Впервые мы оказываемся друг перед другом на ногах... как бы странно это не звучало.

Ну да. Он же обычно приходил ко мне в комнату, когда я

лежала в кровати. В крайнем случае сидела. Но не стояла.

А теперь мы стоим. И странным образом пялимся. Он на меня, будто я, сменив положение «лежа» на положение «стоя», сильно изменилась. Я на него.

Тут признаю. Мне, правда, интересно. Он... необычный.

То, что высокий, сильный и серьезный, отметила давно. Теперь же к портрету добавляются новые детали: широкий разворот плеч, мускулистые руки под тонким пуловером, узкая талия, плоский живот, крепкие ноги.

Альберт коренастый. Кажется, так говорят про его тип фигуры.

А его ладони крупные и теплые. Это я просто помню.

– Я п-пойду... к себе, – добавляю, когда молчание мужчины уже кажется невыносимым, а моя нервозность решает взять разгон на второй круг.

– Нет, – читаю ответ по движению узких губ и мотанию головы. – Ты за стол. Со мной.

В этот раз, когда Альберт протягивает мне руку, я не раздумываю. Вкладываю свою и даже не дергаюсь, когда второй он вновь дотрагивается до моей спины.

В какую-то секунду ловлю мимолетное удивление, как сразу не смогла распознать знакомое прикосновение, ведь он столько раз уже это делал. И я нисколько не боялась.

Почему же теперь?

Ответ нахожу, обернувшись. Натыкаюсь на широкую усмешку бородатого мачо и понимаю, что, подсознательно

записав его в недруга, ожидала встретить еще кого-то на него похожего.

Незнакомец что-то быстро произносит, обращаясь к хозяину дома. Разобрать, о чем идет речь, не успеваю. Как и не слышу ответ, который он получает.

В голове стоит прежний звон и ничего более.

Зато через пару минут узнаю, кому имею честь быть официально представленной.

Отодвинув для меня стул и дождавшись, когда размещусь со всеми удобствами, Гольдман жестом просит одолжить ему мой телефон. Забирает, что-то печатает и попутно отдает распоряжения Серафиме.

Как понимаю?

Легко. Женщина довольно улыбается, поглядывая в мою сторону, а затем несколько раз кивает хозяину. После чего принимается носиться по кухне ураганом и выставлять на стол всё новые и новые тарелки.

Альберт же вновь привлекает моё внимание.

Касается кончиками пальцев тыльной части ладони и, дождавшись, что я на него взгляну, протягивает телефон.

«Это Влад Томилин. Мой начальник безопасности. Он не причинит тебе вреда. Даю слово»

Высвечивается на экране.

Пробегаю глазами по строчкам дважды, будто они волшебным образом превратятся в более подробный текст, после чего сглатываю и киваю. Даю понять, что верю его сло-

вам.

Затем перевожу взгляд на Томилина и произношу:

– Эльза Черных.

– Я знаю, – считываю ответ, в котором ни секунды не сомневаюсь.

Еще бы он не знал, учитывая, что мои вещи были досмотрены. А в сумочке помимо водительского удостоверения я всегда держу паспорт и СНИЛС.

Пирожки оказываются вкусными.

Напрягшаяся в присутствии сразу нескольких малознакомых лиц, рассчитываю, что кусок в горло не полезет, будут трястись руки, или нормально перекусить не позволит ощущение себя диковинной обезьянкой, представленной на потеху публике...

Ошибаюсь.

Мужчины с таким аппетитом налегают на холодец, салаты и жаренное с луком мясо, которое накладывают из огромной, выставленной прямо на стол сковороды, что только диву даюсь. Незаметно расслабляюсь и... соглашаюсь понемногу попробовать и того, и другого.

– Хрен? Горчица? Аджика? – показывая по очереди на батарею выставленных на столе баночек и тюбиков, перечисляет Гольдман, когда я придвигаю к себе студень.

– Горчица и майонез, – называю любимое сочетание и,

уверенно выдавив их на край тарелки, перемешиваю.

– Правда, вкусно, – комментирует Альберт, попробовав мой вариант соуса.

Томилин просто поднимает вверх большой палец, поле чего вновь сосредотачивается на своей тарелке.

Стараюсь особо ни на кого не глазеть, но... получается не особо.

Бли-и-ин... оказывается, мужики столько едят... ёшкин кот!

Удивительно, как Серафима еще не воеет от постоянной готовки. Я бы сдулась. А ведь еще недавно думала, что она перебарщивает, выставляя на стол такое огромное количество снеди. Не тут-то было, всё сметается практически подчистую.

«Мы просто с раннего утра ничего не ели. Уехали в пять и только вернулись»

Читаю текстовой сообщение, которое, снова на время одолжив мой телефон и вытерев пальцы салфеткой, набирает Гольдман.

– Я и не... ничего... не говорю...

Поднимаю ладошки вверх, будто сдаюсь, и всячески стараюсь не краснеть.

Вот же засада, заметил!

М-да, до жути неловко вышло.

Щеки опалает жаром, когда по очереди смотрю на мужчин, прячущих от меня улыбки. Думаю, как бы еще изви-

ниться. Не хочется выглядеть чопорной ханжой, развешивающей ярлыки направо и налево, но чёртов кашель сбивает планы.

В горле начинает першить и щекотать. Легкие сдавливают спазмом.

Свернувшись в клубок и закрыв рот обеими руками, сотрясаюсь всем телом, пытаясь побороть очередной приступ. Но не могу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.